

ЧТО ПОЗВОЛЕНО КЕСАРЮ

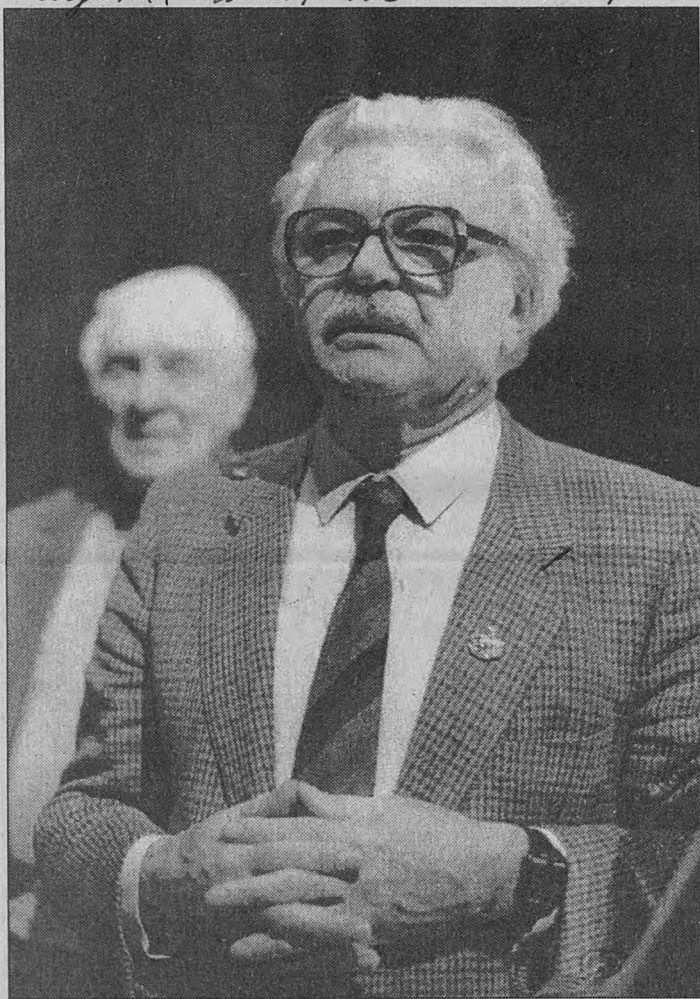
Независимая газета, - 2000, - 26 сент. - с. 7

Елена Стишова

ПО ПРОШЕСТВИИ лет очевидно, что Сергею Бондарчуку по росту хрестоматийные эпитеты, адресованные Льву Толстому, «глыба», «матерый человечик». Бондарчук вовсе не был богатырского телосложения, но ему был свойствен гигантизм самоощущения, и это так или иначе чувствовали все — и зрители, и коллеги, и даже партийные функционеры, надзиравшие за киноискусством. Как известно, Толстой и Шолохов — его любимейшие авторы, в них находил он соразмерную своему дарованию монументальную эпичность — уникальное, особенно по нынешним временам, свойство таланта, объединяющее всех сыгранных Бондарчуком персонажей, — от Тараса Шевченко до доктора Астрова и кардинала Монтанелли. Доктор Дымов, доктор Ивенс и академик Курчатов — тоже из числа «культурных героев» бондарчуковского актерского пантеона — милостью Божьей в нем было античное прометеевское начало. Былинно-фольклорная почва, на которой доморощенный Прометей вырос и которой был предан, сближала его с народом. С народом он, впрочем, никогда не заигрывал. Публике нравилась монументальная печаль героев Сергея Бондарчука и их монументальная сентиментальность. Как утверждает легенда, Бондарчук в своей первой главной роли — Тараса Шевченко в одноименном фильме Игоря Савченко — произвел такое впечатление на Лучшего друга советских кинематографистов, что тот немедленно подписал указ о присвоении звания народного артиста СССР никому не известному молодому актеру, выпускнику ВГИКа из мастерской Сергея Герасимова. Было это в 1952 году, Бондарчуку исполнилось тридцать два.

Лиха беда начало — не было таких наград, званий и премий, которыми не был бы увенчан Сергей Бондарчук за свою неслыханно плодотворную жизнь в советском кинематографе. Но главной наградой, означавшей признание не только голливудского, но международного кинематографического сообщества, — все-таки «Оскар» за «Войну и мир» в номинации «Лучший иноязычный фильм», врученный Бондарчуку в 1968 году. Четыре фильма киноэпопеи пользовались огромным успехом и на родине, и в мире. К юбилею режиссера «Мосфильм» отреставрировал картину, перевел ее в формат «Долби стерео», и смотрится она даже лучше, чем тридцать лет назад. Изумляешься только, что когда в стране отсутствовало экономическое сознание, ей был по карману, а Бондарчуку — по руке суперпроект современного голливудского масштаба.

Но даже если бы за Бондарчуком не стояла всеветная слава постановщика «Войны и мира» и «Ватерлоо», если бы он сыграл лишь одну только роль Андрея Соколова в поставленной им «Судьбе человека» (1959) по рассказу Шолохова, он вошел бы в анналы мирового кино и наверняка бы остался в памяти народной — как мощный образ истинно русского духовного сопротивления фашистскому насилию. Знаменитая реплика «Я после первой не закусьваю» ушла в народ и обрела привкус анекдота. Не ведь и

Сергей Бондарчук в Большом театре репетирует «Мазепу». 1966 г. Фото ИТАР-ТАСС

сцена, поразившая в свое время воображение публики, тонко балансирует на грани героики и байки. Дистрофик-военнопленный опрокидывает одним махом предложенный тюремщиками стакан водки, но от закуски решительно отказывается, ломая издевательский аттракцион и навязывая свою игру: «Я после первой не закусьваю...»

Одно только появление Бондарчука на экране становилось событием в пространстве — в составе его таланта была харизма. Что не умаляет его виртуозного актерского профессионализма. Он владел разными художественными кодами, включая эксцентрику, — в «Курчатове», например, в сцене новогоднего маскарада появился в цилиндре, с тростью и лихо станцевал под Чаплина.

Словом, Сергей Бондарчук был большим русским актером классической школы, корни у него были театральные, еще до войны он вышел на провинциальную сцену. По сути, он мог играть все, возможно, даже комедию. Но самое, пожалуй, удивительное, что на тогдашнем бесплотном экране он реализовался и как герой-любовник. Такого Астрова, страстного и грешного, как в «Яде Вана» Андрыона Кончаловского, не знала чеховиана. И была заглавная роль в «Отце Сергии» у Игоря Таланкина. И Коростелев в «Сереже».

Бондарчук сыграл десятки ролей, а мог бы больше, но страсть к режиссуре побеждала и забирала все время. Он поставил много картин, проходных работ у него нет — его влекло к сложным проектам, требующим многолетних непрерывных усилий. Вообще он был трудоголиком. Его соавтор по сценарию «Войны и мира» кинодраматург Василий Соловьев рассказывал мне с каким-то юношеским восторгом о невероятной

трудоспособности Бондарчука и о его многочисленных талантах, включая дар рисовальщика-станковиста.

Обласканный официозом, за просто вхожий во власть и имевший там большое влияние, Бондарчук вроде бы и пальцем не шевелил для того, чтобы угодить. Напротив, он мог бросить вызов, нарушить правила. Согласно апокрифу, имевшему широкое хождение в 80-е, Бондарчук, получив за гранищей гонорар за очередную работу, не пожелал делиться с государством, как того требовали тогдашние неписанные законы. Неслыханная по тем временам смелость сошла ему с рук. Как говорится, что позволено кесарю...

Будучи генералом в табели о рангах советской культуры, Бондарчук никогда не участвовал в идеологических кампаниях, крайне редко появлялся на кинематографических тусовках, терпеть не мог трибунного красноречия, не любил давать интервью, коллективных писем не подписывал. Единственное, что ему приходилось подписывать, и довольно часто, — это фонтанирующие казенной риторикой передовые статьи в разных изданиях, автором которых был, разумеется, не он. Любовь властей никогда не была бескорыстной, а распахиваться за нее пришлось всевозможным.

В начале 80-х параллельно с голливудским актером и режиссером Уорреном Битти, снимавшим политический эпос «Красные» о легендарном репортере Джоне Рице и его подруге Луизе Брайан, Бондарчук работает над аналогичным проектом. Дилогия называется «Красные колокола», главную роль играет красавец Франко Неро. Виртуальная идеологическая дуэль кончилась тем, что Уоррен Битти получил «Оскара» за режиссуру, а Бондарчук —

Госпремию. Картина не понравилась публике и до крайности раздражала либеральную интеллигенцию.

Кто в ту пору был ангажирован больше — режиссер Бондарчук или интеллигенция — вопрос, который так и не снят, но на сегодня мало кого интересует. В той ленте — свои профессиональные и художественные достоинства и в душевные годы брежневского застоя, диссидентского брожения и новой ревизии Октября и личности Ленина поддерживать этот фильм означало потерять репутацию и перейти в стан официоза. Новой расстановки сил Бондарчук, похоже, не улавливал и не вникал в нее. Он делал фильм не во славу революции — как художник он вообще был по ту сторону идеологии, что очень четко понимали на Западе и до сих пор не поняли у нас, — просто снимал очередную свою картину, сложную постановочную кинофреску с массой портретных гримов, весьма, кстати, произвольных и вызвавших всеобщее неприятие.

Возможно, режиссер был обижен холодным приемом, равнодушием публики, ведь он привык к большому успеху. Никаких доступных мне свидетельств на сей счет не осталось. О Бондарчуке вообще написано удивительно мало, а то, что написано, — как правило, не на уровне его фильмов, его личности. Раздражение от «Красных колоколов» отбросило тень и на следующий проект — на «Бориса Годунова» (1986), где сам Бондарчук снялся в заглавной роли. Тут грянули первые раскаты гласности, и в ряду с теми, кого причисляли к касте неприкасаемых, Бондарчук впервые получил нелицеприятную критику своего и впрямь не самого удачного фильма. В его окружении это было истолковано как травля. К тому же подоспел V съезд Союза кинематографистов — «исторический пятый». Бондарчука, как и большинство секретарей Союза кинематографистов, не делегировали на съезд, и Никита Михалков, который отоважно пошел против течения, заявил с трибуны Большого Кремлевского дворца, что избрание делегатом автора «Судьбы человека», «Войны и мира» и «Они сражались за родину» — есть ребячество, дискредитирующее все искреннее, благие порывы...

Можно было забаллотировать Бондарчука и тем самым показать, кто теперь в «доме хозяин», но его репутацию режиссера мирового класса отменить никто не мог. По заказу итальянского продюсера он приступает к работе, о которой давно думал, — к съемкам телесериала по шолоховскому «Тихому Дону». Вот тут-то и начинается настоящая драма, по сей день не разрешившаяся, хотя Сергея Федоровича уже шесть лет как нет среди живых. Итальянский продюсер то ли разорился, то ли потерял интерес к картине — только без ведома режиссера он продал несмонтированный материал другому продюсеру. Еще при жизни Бондарчука началась тяжба в попытках вернуть отснятый материал для завершения монтажа. Насколько мне известно, к делу подключился Российский киносоюз, но пока ничего обнадеживающего нет. И все же хочется верить, что мы еще увидим последнее творение Сергея Бондарчука — выдающегося русского художника, чье творчество толком не описано и не осмыслено.